

исторической судьбы, способов восстановления прерванных (или извращенных) культурных традиций, утраченного в разных слоях общества своеобразного российского менталитета, возрождения былой глубины и мощи отечественной философской мысли.

Другая часть проблем, встающих при обсуждении темы невосстановленных возможностей русского духа и делающих ее чрезвычайно важной как раз в наши дни, касается рассмотрения следствий революционных катаклизмов семнадцатого года, приведших в конце концов к физическому уничтожению или духовной деградации едва ли не всего образованного класса в советском обществе. Осевой вопрос в этом проблемном блоке можно сформулировать примерно так: была ли оборвана традиция российской культуры утверждением псевдосоциалистического строя с его тоталитарным режимом? Или, говоря точнее, в каком смысле и в каких пределах следует соглашаться (либо не соглашаться) с наличием такого обрыва?

Статьи, помещенные в предлагаемом издании, так или иначе соотносятся со стремлением ответить на этот вопрос. Фактически, хотя и не в столь жестком виде, он стоит в центре всех рассуждений, составляющих их содержание. Даже в тех случаях, когда авторы не являются нашими современниками⁴, а потому не могут судить о конкретном состоянии дел в конце текущего века, весь их пафос сводится к серьезным предупреждениям, опасениям, культурно-историческим предвидениям, построенным на оправдании (или осуждении) духовных ценностей русской интеллигенции накануне октябрьского переворота, а следовательно, к заботе о сохранении преемственности всего лучшего, что явил миру российский гений на протяжении нескольких столетий.

Теоретические выкладки современных участников настоящего труда тоже не во всем единообразны вплоть до расхождения мотивационных посылок их исследования и использованных в нем методологических ракурсов. И хотя прямая полемика между представленными взглядами не входила в намерения авторского коллектива, тем не менее, сохраняется некий дискуссионный фон их размышлений об одних и тех же предметах как основной стимул к поиску истины. И пусть не покажется это нескромным, но в том, может быть, и состоит главное, по убеждению создателей данного сборника, его достоинство, что запечатленный на его страницах материал призывает еще раз задуматься

⁴ См.: Приложение к настоящему изданию.

над переоценкой нашего духовного наследия и в какой-то мере позволяет читателю проследить, как, где и почему рождается сама опасность перерыва традиции интеллектуального и нравственного бытия россиян (и в частности ее философских корней).

Одной из характернейших черт этой традиции был разносторонний, подчас взаимоисключающий способ решения сходных теоретических или духовно-практических задач, что укореняло, в конечном счете, приоритет дискуссионных средств развития любых форм социального знания. Желая внести не только теоретическую, но и практическую лепту в возрождение русского духа, мы предлагаем читателю поспорить с изложенными мнениями об оптимальных способах обновления духовной традиции нашего народа и, по крайней мере, стремимся помочь ему выработать об этом свое собственное представление. Чтобы облегчить эту работу, а более всего в виду приобщения российской публики к возможно большему количеству первоисточников, так долго отчужденных от тех, кому они были интересны, замками спецхранов, современные статьи завершаются специальным приложением, знакомящим с оригинальными, однако, мало известными, не публиковавшимися в советский период откликами отечественных мыслителей на обсуждение интересующих нас проблем в книге "Вехи"⁵.

Напечатанный в свое время в журнале "Общественные науки и современность" доклад профессора Нотр-Дамского университета (США) А.Валицкого к Международной конференции "Будущее Советского Союза - возможности перемен" (Женева, 13-18 августа 1985 г.), выдвигает вполне обоснованное предположение о двух тенденциях отношения современного обществознания к интеллектуальному наследию дореволюционной России. Одна из них, к которой, между прочим, примыкает А.Солженицын, отвергает какую-либо связь между русской интеллектуальной традицией и советским тоталитаризмом⁶. Другая, с которой согласен сам цитируемый автор, не отрицая в принципе существования такой связи, все же стремится "отыскать в русском интеллектуальном наследии такие элементы, которые не могут рассматриваться как открывающие путь тоталитаризму, которые по самой сути несовместимы с духом советизации и, таким образом, могут быть субъективно приемлемыми для тех, кто не хочет отпадать от надежд на полити-

⁵ См.: Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909.

⁶ См.: Валицкий А. Интеллектуальная традиция дореволюционной России // *Общественные науки и современность*. 1991. № 1. С. 147.

ческое и культурное возрождение России"⁷. В свете такого сопоставления можно, собственно, глубже понять и реализованные в тексте данного сборника трактовки проблемы, вынесенной в его заглавие.

Несмотря на творческую самостоятельность каждого из предложенных здесь вариантов понимания сущности и роли русской интеллигенции в дооктябрьскую эпоху, а также, невзирая на различия в характеристике доминирующих элементов ее традиционных ценностей, есть нечто общее в работах, написанных сегодня. И как раз это общее роднит их с позициями современников покаянной книги русской интеллигенции, диаметрально противостоящими, однако, друг другу в оценке "веховской" самокритики - А.Белого и П.Столыпина на одном полюсе и К.Арсеньева и И.Игнатова на другом.

Этой объединяющей все материалы нашего нынешнего издания идеей является представление о том, что ядро возрождения русского духа, его плодотворного развития в будущем, стержень спасения русской духовности от кризиса (как на заре XX века, так и при его закате) и в то же время важнейшая из до сих пор так и не востребованных возможностей российской ментальности заключается прежде всего в становлении и последующем совершенствовании правового сознания каждой отдельной личности, равно как и всей русской общественности; в углублении правового самосознания общества и организации его легальной правозащиты. Ибо без таких предпосылок абсолютно неосуществим выход России к цивилизованным нормам функционирования и наследования всей ее культуры, а в этих рамках, само собой разумеется, и собственно духовного развития нашего народа. Это доказано семидесятилетней историей советского государства, строившегося на принципах революционного чувства, а не на правовом фундаменте. Это продолжает доказывать каждый день истории нашей перестройки и так называемого постперестроечного периода.

Какими же средствами можно было бы в нынешних условиях ликвидировать сохранившийся до сего дня пробел в общественном общественном сознании, пережившем коммунистическое бесправие и вышедшем из этого испытания окончательно (но, хочется надеяться, не бесповоротно) изуродованным? Этот вопрос скрыто или явно беспокоит современные поколения нашей интеллигенции - от убежденных седидами "шестидесятников" до только что севших на студенческую скамью юношей и деву-

⁷ Валицкий А. Интеллектуальная традиция дореволюционной России. С. 148.

шек. Естественно, что этим вопросом задаются и авторы предложенных статей. И ответ на него достаточно очевиден для тех, кто учитывает горький опыт пренебрежения "веховской" самокритикой интеллигентского сознания в предреволюционные годы, то есть в один из самых решающих моментов выбора в текущем столетии.

Он сводится к тому, что необходима (и неизбежна, если мы стремимся сохраниться как самостоятельный субъект культурной деятельности) всесторонняя деидеологизация философского и общественно-научного мышления, духовной жизни общества в целом, а в итоге - всякой творческой деятельности как таковой. Это отнюдь не означает отказа от ценностной ориентации вообще. Более того, любое культурное деяние имеет своим предназначением в первую очередь создание определенных человеческих ценностей, придающих смысл нашему повседневному существованию. Но такие ценностные ориентиры - при всем разнообразии их формы - должны быть общечеловеческими по своему содержанию, поскольку они призваны объединять людей в лоне гуманистических характеристик бытия, а не разъединять их сословными, партийными, конфессиональными, национальными и т.п. перегородками.

Серьезные усилия по деидеологизации общественного сознания на самом деле, как бы неожиданно это ни выглядело, уже были предприняты - и как раз в самые глухие годы "строительства социалистической культуры". Речь идет не столько об известных правозащитниках 60-80-х годов (хотя эта тема по своему значению заслуживает специального подробного рассмотрения), сколько о еще мало изученной с интересующей нас точки зрения деятельности так называемых "китежан", то есть русских интеллигентов, которые в период трагического замещения традиций философской, художественной и т.д. культуры тотальной политизацией умов устроились от публичных творческих занятий в рамках советской системы и продолжали творить, рискуя внешней свободой, а иногда и жизнью, в сталинских концлагерях (В.Шаламов), в "самиздате" (Абрам Терц) или просто писали "в стол", но зато не изменили ни своему таланту, ни своей внутренней свободе⁸. Продуктами их работы были статьи Якова Голосов-

⁸ Термин "китежане" принадлежит В.Турбину, которому российская культура после Октября видится в образе легендарного града Китежа, опустившегося на дно озера, не имея возможности победить своих врагов, и ждущего с тех пор своего часа, чтобы всплыть. Автор этого сравнения сам может быть причислен к этому гордому племени, ибо, по его определению, "Китеж - это не подполье, не конспирация... Китеж как раз и кончается там, где начина-

кера и книги Михаила Бахтина, романы А.Платонова, Б.Пастернака, М.Булгакова, дневники М.Пришвина, стихи А.Ахматовой и И.Бродского, труды многих и многих людей, имена которых, может быть, не все пока нам известны.

Эти люди не просто продолжали интеллигентскую практику. Их особенность заключалась в том, что в своем "невидимом граде Китеже" они не нуждались ни в эзоповском языке, ни, тем более, в официальном новоязе, которые, безусловно, требовались тому, кто ценой больших или меньших жертв стремился попасть на страницы "партийной" печати, на подмостки государственной сцены, на экраны кинотеатров или на голубой экран, на стенды прославляющих коммунизм и его вождей вернисажей. "Китежане" строили объективно противостоящую официозу науку, философию, искусство. Для этого требовались специфические культурные предпосылки, которые помогли бы ассимилировать изменившиеся условия самого существования российского менталитета и сохранить таким образом преемственность его характеристик. В подобной роли выступали новый, свободный язык и строй творческого мышления; новые, оригинальные выразительные средства и новая, не скованная никакими "измами" логика индивидуальной мысли.

Одним словом, необходима была новая структура всего мира духовных ценностей общества, которая существовала бы рядом с государственной идеологией, но, в отличие от различного рода эзоповских структур, была бы абсолютно независимой от нее. И такая структура была создана именно "китежанами"⁹. Тем самым, побуждаемые в эпоху безвременья и массового приспособленчества чувством уникальной социальной ответственности перед угрозой гибели отечественной культуры, они проявили жертвенность и духовное подвижничество, свойственные лучшим представителям дореволюционной российской интеллигенции, и по сути дела продолжили ее традиции, сохранили и развили богатейшие возможности русского духа, не востребованные, однако, в свое время официальной советской культурой.

ется организация, планомерность, борьба за внешнюю власть. Китеж там, где теплится творчество..." "И на стогнах его спаслись многие - ныне целая культура всплывает" (*Турбин В. Китежане. Из записок русского интеллигента // Погружение в трясину. М., 1991. С. 365, 370*).

9 Жанр проблемного введения не позволяет развернуть подробно содержательные характеристики указанных новаций, которые, своеобразно истолковывая дореволюционную традицию русской духовности, позволяли сохранить самое преемственность с ней.

Отказавшись от политической односторонности (неважно, левого или правого толка), эти восприимчивики "веховского" завета создали новый, то есть совершенно иной по сравнению с предшествующими поколениями интеллигентский стиль, который на поздней, современной основе возвратился к высоким образцам аристократической русской духовности, восходящей к началу XIX века и даже к более ранним временам. Так был сохранен для сегодняшних россиян (а стало быть, и для всего мирового сообщества) светоч подлинной интеллектуальной культуры, который они бережно принимают в свои руки, хотя многие из тех, кто его сберег, уже в списках живых не значатся. Собственно, в этой важной миссии российской послеоктябрьской интеллигенции таится, возможно, разгадка знаменитого булгаковского восклицания "Рукописи не горят!" О ней перед лицом опасности нашествия большевистских "грядущих гуннов" пророчествовал в начале века Валерий Брюсов:

А мы, мудрецы и поэты,
Хранители тайны и веры,
Унесем зажженные светы
В катакомбы, в пустыни, в пещеры¹⁰.

Однако для выполнения такой миссии годились только гиганты духа, нашедшие в себе мужество принять отшельническую аскезу мышления и достаточный интеллектуальный и эмоциональный потенциал для свободного творчества в несвободных условиях. Многие из тех, кто обладал этими качествами, погибли в чекистских застенках, были изгнаны за пределы родины, "сгорели" в неравной борьбе с объективными обстоятельствами жизни и творчества. И это была огромная катастрофа с точки зрения возможностей развития российской духовности, с точки зрения необходимости сохранения "генетического фонда" носителей русской культурной традиции.

Но это не единственная трагедия, которую пережил наш народ и прежде всего его интеллигенция в течение сменявших друг друга десятилетий XX века. Может быть, еще страшнее, и уж во всяком случае, бесчеловечнее оказалась другая ипостась нашей судьбы, которую, однако, определила именно традиционная установка интеллигентского сознания, победившая в России вместе с большевистской революцией. Э. а установка состояла не только в

¹⁰ Брюсов В.Я. Грядущие гунны // Русские поэты "серебряного века". Л., 1991. Т. I. С. 120.

противоположном описанному выше стремлении сохранить социально-политические пристрастия как существенный элемент содержания творческого труда образованного класса. Самым главным ее изъяном, пороком, можно сказать, смертным грехом было требование представить идеологические рамки единственным критерием нравственной жизни общества. Тем самым последняя теряла свой абсолютный статус, без которого она, как выяснилось к настоящему моменту, вообще лишается собственно человеческого смысла.

Тенденциозное, специфически-партийное воспитание и образование в советской стране, начиная с детских садов и кончая вузами и академиями, стало одним из важнейших средств насилия над личностью - тем более действенным и страшным, чем менее оно осознавалось как таковое пассивной (а иногда и активной) стороной. В результате такого идеологического насилия над массой людей, которые стали как бы живой иллюстрацией антиутопий Хаксли и Оруэлла, возникла своеобразная, неправдоподобная для нормального цивилизованного человека социальная реальность - так называемое общество зрелого социализма, в котором сознание людей стало изуродованным, вывихнутым. Об этом фантастическом по форме, но реальном по содержанию, об этом гротескном, заидеологизированном мире очень точно сказал Андрей Платонов еще в начале 30-х годов. "Новый мир, - писал он в своих записных книжках, - реально существует, поскольку есть поколение искренне думающих и действующих в плане ортодоксии, в плане оживленного плаката"¹¹.

Это смягчающее обстоятельство следует учитывать, когда мы беремся судить поколения наших отцов и дедов, строивших Днепрогэс и Магнитку, выигравших войну с германским фашизмом и освоивших целину. Это были в массе своей люди искренние, которые много сделали и многим пожертвовали для того, чтобы Россия поднялась из азиатской отсталости, но которые трагически навредили своему отечеству, сами того не подозревая. И такого же отношения заслуживает интеллигенция 30-40-х годов, творчество которой еще не было (или отнюдь не всегда было) компромиссом с властями и обстоятельствами. Оно было одухотворено искренней верой в чистоту и силу коммунистических идей. И потому нельзя отказывать в праве на признание советской науке, литературе, искусству, развивавшимся в это время. Но это, если можно так выразиться,

¹¹ Платонов А. Деревянное растение. Из записных книжек. 1927-1950 // Огонек. 1989. N 33. С. 14.

всего лишь условное признание, потому что оно касается не универсального (каковым оно должно быть по своей сути), а ограниченного, одностороннего творчества, в котором в лучшем случае преобладает "образованское", пересфразируя А.Солженицына, начало.

Характернейшей чертой сознания и подобных "творцов", и миллионов простых советских интеллигентов - инженеров, врачей, учителей и т.д. - была в более позднее время его двойственность. Открытие этого феномена принадлежит одному из безусловных "китежан"-диссидентов Владимиру Кормеру¹². В опубликованной только в 1989 году, то есть спустя двадцать лет после ее написания и три года после его смерти статье "Двойное сознание интеллигенции и псевдокультура", посвященной шестидесятилетней годовщине выхода в свет сборника "Вехи", он ставит своей задачей (вполне в традициях русской духовности) снова подвергнуть самокритическому анализу российское интеллигентское сознание, проследить его судьбу, предсказанную "веховцами" в начале столетия. И так же, как в "Вехах", это не простая самокритика. Это покаянный стон души, это вопрос в будущее, это призыв заглянуть в себя, это опять-таки пророчество. "Что изобретет русская интеллигенция? - заканчивается вопросом статья. - Будет ли это новый русский мессианизм по типу национал-социалистического германского, восторжествует ли технократия, или дано нам будет увидеть новую вспышку ортодоксального сталинского коммунизма? Но чем бы это ни было, крушение его будет страшно. Ибо сказано уже давно: "Невозможно не прийти соблазнам, но горе тому, чрез кого они приходят..."¹³

Кормер с самого начала отмечает, что советская интеллигенция 60-х годов (в отличие от прежней русской) буржуазна. Она стремится к обеспеченности и страдает не от сытой жизни, как в начале века, а скорее, от нарушения спокойствия. Интеллигент не является больше экстремистом, преданным одной, но пламенной страсти - свободе. Он хочет быть "гармоничным" и "всесторонним". Его волнует не чужое страдание, а эстетическое наслаждение культурой. И такому перерождению философ находит оправдание: советский интеллигент "беднее последней собаки", он унижен так, как никто другой в обществе, а потому - в отличие от русской интеллигенции в прошлом веке - он не стра-

¹² Работы В.Ф.Кормера были известны в рукописях, повесть "Крот истории" была напечатана во Франции, а большинство его произведений, в том числе и ряд философских статей, при его жизни так и не увидели свет.

¹³ *Кормер В. Двойное сознание интеллигенции и псевдокультура // Вопр. философии. 1989. N 9. С. 79.*

даст комплексом вины перед народом. Наоборот, народ больше виноват перед ним. Второй чертой переродившейся к середине нашего столетия интеллигенции Кормер считает "обращенную религиозность". Он больше не атеист-фанатик, но ей не приходится им быть, так как притеснения религии со стороны советской власти как бы сняли эту проблему - ей не с кем спорить, некого опровергать. Она индифферентна в вопросах веры¹⁴. Но есть, по его мнению, у советской интеллигенции и такое качество, которое не только сохранилось с прежних времен, но даже приобрело более резкое звучание. И это дает возможность говорить о сохранении преемственности с российской интеллигенцией времен Бердяева и Франка, Кистяковского и Гершензона. Ибо, как и столетие назад, русский интеллигент фактически отчужден от своего народа¹⁵.

Правда, следует отметить один парадоксальный факт, на котором заострится внимание в рассматриваемой работе. Речь идет о том, что советская идеология - детище советской интеллигенции. Ведь именно последняя выступила наследницей революционных преобразований и обожествила "трудящиеся массы" в противоположность мыслящей совести народа. Так что в какой-то мере она сама повинна в том, что по-прежнему остается изгоем. Причем эта вина усугубляется еще и известной покорностью рядовых ее представителей перед властями и сложившимися обстоятельствами, которая, как подчеркивает Кормер, объясняется не только и даже не столько террором (эта опасность существовала и прежде, но до революции никого не пугала), сколько тем, что не с чем было выступить против.

Советская интеллигенция попала на приманку социалистических идеалов и до сих пор обезоружена этим духовно. Мы остаемся в том же заколдованном кругу - между капитализмом и социализмом - и нам нечего предложить такого, что бы действительно было новым и результативным, и в то же время могло увлечь за собой людей. Об этом свидетельствуют даже послевзвостовские попытки пришедших к власти демократов (большинство которых вербуются из среды интеллигенции) выйти из кризиса, в котором оказалась сегодня страна. И дело не в том, что новая интеллигенция недостаточно умна или плохо образованна, хотя сплошь и рядом встречается и такое. Нерешен-

14 Сегодня эта ситуация еще больше сдвигается в сторону от атеизма. Интеллигенту "приличнее" быть религиозным человеком, чем безбожником.

15 Единение интеллигенции с народом, подобное энтузиазму защитников Белого дома в августе 1991 года, всегда бывало в русской истории исключением и продолжает оставаться таковым до сих пор.

тельность и малая способность к конструктивным поискам, стимулированные полувековой спячкой, приспособленчеством и наказуемостью инициативы в прошлом, рождают и у многих нынешних интеллигентов (особенно в провинции) эффект двойного сознания, зафиксированный В.Кормером еще более 20 лет назад: интеллигенция не принимает власти, отталкивается от нее и в то же время сотрудничает с ней, питает ее и питается от нее.

Эта пустившая крепкие корни в нашем сознании двойственность принесла свои дьявольские плоды. Самая страшная из трагедий России - это трагедия долголетнего и добровольного отказа от свободы. Несмотря на гласность, демократию, несмотря на внешнюю свободу, очень многие интеллигентные люди, развращенные предшествующими десятилетиями рабства целого образованного класса у необходимости, не выносят и сейчас подлинной, внутренней свободы, то есть свободы собственного, интеллигентного, а значит, нравственного (с точки зрения Добра как абсолюта) выбора. И наша самая глубокая потребность момента - очиститься, вернуться к истокам, к невостребованным и потому неиспользованным возможностям русской духовности.

В заключение хочется сказать, что перед нашей интеллигенцией вырастают сегодня и другие проблемы. Во-первых, это проблема искуса властью, а не только свободой. И не поддаться этому искусу, устоять против него не менее трудно, чем вынести борьбу и гонения, выпавшие на долю предшествующих поколений. Для этого нужны устойчивые нравственные традиции, которые существовали у русской интеллигенции в ее исторической молодости и которые мы должны восстановить во что бы то ни стало, если хотим остаться в теле мировой культуры, а не быть снова отторгнутыми ею, как семьдесят с лишним лет назад.

Во-вторых, это проблема компетентности властьпридержащих, которая вырастает из того обстоятельства, что гуманитарное образование в советской системе было в значительной мере ущербным прежде всего с точки зрения овладения современными демократическими принципами общественного управления. В результате в настоящее время достаточно сомнительной выглядит способность наших властей - как в центре, так и на местах - найти оптимальные пути выхода из экономической (и в первую очередь финансовой) нестабильности общества; создать гарантии правовой защищенности российских граждан; нормализовать криминальную обстановку в стране и т.д. и т.п.

Сегодняшняя духовно-практическая ситуация во многом близка к ситуации начала века с поправкой на разницу между